

Публикуется впервые

Ал.Алтаев

История Глеба Бокия

Вступительная заметка, публикация

М.А.Кузьменко

Комментарий А.В.Филимонова

6. Рыцари Круглого Стола

Глеб Бокий был первой ласточкой на маленьких собраниях старых друзей, бывших студентов горного института, собиравшихся у меня, как когда-то, в студенческие годы. Началось это с приезда в Советский Союз из Германии Б.С.Стомонякова, получившего вместо должности торгпреда в Берлине назначение заместителем наркома иностранных дел.

Собирались вокруг небольшого круглого стола, полученного мною из метропольского ресторана и предназначенного быть столом как обеденным, так, по нужде, и письменным. Собирались нечасто, за недосугом, пять горняков и шестая я, их старый друг, и жалели, что, для полноты, не хватает двух неперменных завсегдацев моей петербургской квартиры - славного, простого и беззаветно преданного товариществу Паши Бугова, ставшего профессором горного института, откуда когда-то был исключен за бунтарство. Чья-то злая

воля впоследствии забросила его в неведомые края изгнания и погубила за ним и всю его семью. На память о нем осталась только книга о мелиорации, написанная Буговым совместно с профессором Яворским и составившая ему почетное имя. Другой отсутствовавший у круглого стола не был жертвой клеветы. Он отошел от старых товарищей, у него, по его собственному выражению, пропал «аппетит к политике», но появилось стремление к уюту обеспеченной жизни и к созданию карьеры. Он успокоился, став во главе Горной академии. Вместо того, чтобы собираться в его комфортабельной квартире, товарищи шли, по старой привычке, ко мне, в тесный номер Метрополя, и стали именоваться членами «Союза друзей» и «Рыцарями Круглого Стола».

Это средневековое прозвище отвечало старым воспоминаниям и старой дружбе. Друзья несли к «круглому столу» не только свои новые заботы, мечты, чаяния и огорчения, но и старую, забытую жизнь, увлечения юности, свои надежды и ошибки. Рассказывали и о своей работе, иногда спорили, иной раз радовались достижениям, иной раз сознавались в промахах.

Помню, как Глеб Бокий принес весть об аресте Савинкова и о том, как он хотел кончить самоубийством... Помню, как он

Окончание. Начало в № 14/2001 г.

Кузьменко Мария Александровна - ст.научный сотрудник Псковского музея заповедника

Филимонов Анатолий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского педагогического института им. С.М.Кирова

рассказывал о том, что известный Малиновский, казавшийся несокрушимым революционером и убежденным большевиком, явился к нему и объявил, что его нужно немедленно арестовать потому, что он - провокатор и успел погубить многих доверивших ему.

Этот рассказ был принят как взрыв бомбы. Оказывается, никто из присутствующих ничего не знал об аресте Малиновского; до этого момента все его считали одним из самых преданных советской власти людей, борцов за победу Октября. Посыпались вопросы. Наивный, простодушный Максим Кострикин, вскочив с места, забегал по комнате, ероша остатки своих некогда кудрявых светлых волос, повторяя:

- Ах, чёрт, и кто же это мог предвидеть? А помнишь, Маргарита, как под новый год вы пили за счастье и свободу родины в Клубе юристов?

Более спокойный и уравновешенный Стомоняков спрашивал, зачем Малиновскому понадобилось самому делать на себя донос. Бокий спокойно отвечал:

- У него была крошечная надежда: признание облегчит наказание. Он знал, что его выследили, - некуда было податься.

...Об осведомленности ГПУ Бокий отзывался с большой гордостью и облакал это даже в какую-то таинственность.

Припоминается его рассказ, как он держал пари с Чичериним, что если он задумает ознакомиться с какой-либо бумагой, а ее захотят от него скрыть, то это не удастся сделать. Чичерин спрятал документ у себя в кабинете в несгораемый ящик и поставил стражу.

- Но бумага оказалась все же у меня, - сказал Глеб.

Все накинулись на него: Как? Кто же выкрал? Может быть, когда-нибудь ящик оставался без сторожей?

- Никогда, - был короткий ответ без объяснений.

Из этого мы вынесли одинаковое предположение, что здесь не обошлось без гипноза и что в распоряжении ГПУ имеется опытный гипнотизер.

Другой случай, рассказанный нам

Бокием, был не менее примечателен.

Отделение психотехники при Университете прислало Сталину проект изобретенного аппарата для чтения человеческих мыслей.

- Представляете, как это было бы важно для нас, - говорил Глеб, - мы могли бы избежать многих ошибок при допросе. Но в канцелярии у Сталина чиновники, не имевшие воображения и мало заинтересованные в каких-либо открытиях, просто-напросто бросили проект в архив. Когда нам пришлось для одного дела искать документы в канцелярии Сталина, мы там в архиве наткнулись на этот замечательный проект и взяли его, чтобы проверить и дать ход.

- Что же случилось дальше с проектом?

- Чепуха? Все оказалось мыльным пузырем?

- Может быть, были основания для разработки?

Мы спрашивали наперебой. Он, с обычной лаконичностью, отвечал:

- Основания основаниями, но до сих пор такого аппарата у нас еще нет.

...Когда Троцкий должен был покинуть Советский Союз и в стране свободно обсуждали этот вынужденный отъезд, я спросила Бокия:

- Можно ли считать Троцкого врагом Родины и называть подлецом, как теперь принято?

Бокий полез в портфель, с которым не расставался, вытащил ворох газет и, положив их на стол, стал разворачивать.

- Вот, полюбуйся. Это заграничные русские газеты, и здесь его статьи. Тут ясно видно, подлец он или нет.

- Но если он имеет по некоторым вопросам свое мнение, Глеб? В спорах рождается истина...

Я помнила, каким блеском отличались выступления Троцкого в его приезд в Россию после 9-го января; помнила, как терпим был к его заблуждениям Ленин. Он резко меня обрезал:

- Споры спорами и мнения мнениями, а уехать в чужую страну и поносить там свою - это могут делать только подлецы, Троцкий как раз это и делает.

А какую роль играл в это время Барченко в кружке, собиравшемся на Лубянке?

Глеб отрывочно рассказывал о том, что делал и говорил «Колдун». Кроме разных «научных» откровений и фантастических небылиц он занимался еще и «раскрытием крамолы». Он был введен в дом бывшей жены Бокия Софьи Александровны, вышедшей вторично замуж за члена ЦК М.И.Москвина. Барченко и там сумел вскружить головы «своей эрудицией», войти в доверие, а пользуясь им, делать доносы. Доносил он, называя «подозрительных» лиц пачками, вылавливая имена из корпорации писателей, художников, композиторов, переходя от искусства к науке и технике. Он находил «врагов» и среди врачей, фармацевтов. Барченко в ГПУ верили с легкой руки Глеба Бокия. Наконец это стало невыносимым, и мы услышали за нашим «Круглым столом» раздражительные окрики самого Глеба:

- Лучше бы он давал нам списки научных изобретений, чем подозрительных людей!

Тогда у меня вырвалось впервые:

- Боюсь, как бы этот «Колдун» не написал в своем списке ваших имен, друзья мои!

... А Глеб продолжал мечтать о зароненной «Колдуном» фантастической идее. Он говорил мне, возвращая книжки «тайных обществ» и список сочинений о масонстве:

- Все это поможет идее посева коммунизма во всем мире. Все это важно для завоеваний наших...

- Для завоеваний? Но как же это, я не понимаю, Глеб?..

- Не понимаешь, а я начал и иду твердо. И человек нашелся как раз такой, как надо, - смелый и находчивый, знающий фарсидский язык, понятный для всего Востока... Ведь с Востока мы начинаем коммунистическое воспитание всего мира. Вот она, древняя Шамбала, о которой говорится в «Прицилле из Александрии», - мы ее вернем.

Совершенно неожиданно для меня он назвал Блюмкина, того самого Блюмкина, который, участвуя в эсеровском заговоре летом 18-го года, способствовал убийству германского посла Мирбаха.

Я не знала о его судьбе. Оказалось, что он был прикомандирован к ГПУ, и Глеб Бокий именно его и решил использовать для своего плана «коммунизации» Востока. Поможет Блюмкину масонская литература. Он изучит учение масонов как можно обстоятельнее и поедет, подкованный им, прямо в Лхассу, город, куда не может проникнуть ни один европеец. Блюмкин будет первым, кто завоеует доверие главы тибетского народа, великого всемогущего Далай-ламы.¹³

...Посещая моего учителя и друга, руководившего мною во время работы в Смольном, Владимира Ивановича Невского, я услышала, что ГПУ опустошило Ленинскую библиотеку, вытребовав всю масонскую литературу. Я повинилась, что дала Бокию список масонской литературы, и рассказала об его идее. Невский рассмеялся:

- Так это мы вам обязаны тем, что у нас опустели масонские полки! Узнали бы, скоро ли Блюмкин изучит масонство для выполнения этой фантазмагории? Ну и выдумка!

7. Неудача с Лхассой

Все шло своим чередом. Изредка, как всегда, собирались у меня «Рыцари Круглого Стола», толковали о текущих делах, о своих делах, личных, вспоминали прошлое горного института, говорили об умерших и живых товарищах, верных старым заветам, и о ренегатах. У Глеба были большие огорчения: его младшая дочь Оксана тяжело хворала диабетом, и старшая Лена с материнской заботливостью ухаживала за сестрой. Глеб Иванович глубоко переживал болезнь дочери.

Вспоминается мне один разговор с Глебом, имеющий общественное значение, о котором я забыла рассказать раньше. Разговор этот был связан с моей работой в издательстве «История гражданской войны»¹⁴ и впервые ясно показал мне отношение Бокия к Сталину.

Издательство поручило мне выяснить у Бокия, какую роль играл Сталин на VI съезде партии. Я специально позвала для этого разговора Глеба, чтобы потолковать

с ним наедине. Я прямо и сразу поставила перед ним вопрос:

- Можешь ли ты мне охарактеризовать роль Сталина на VI съезде?

Он кивнул утвердительно.

- Тогда расскажи.

Он начинает, не торопясь, длиннейшую историю о том, как студенческая столовая, после изгнания из горного забастовщиков, была фактически перенесена в Украинскую столовую, открытую, по частной инициативе, на Васильевском острове; как там собиралось радикальное студенчество и как явилась с обыском полиция, а ему пришлось бежать, спускаясь на лифте для поднятия дров...

Я нетерпеливо перебиваю:

- Зачем мне это знать?

Ответ с невозмутимым хладнокровием:

- Это же введение. И ты хорошо знаешь, что не все полицейские были враждебно настроены к студентам. После нашей победы, когда арестовывали этих фараонов, я лично вызволил нашего василеостровского пристава за то, что он предупреждал нас перед обыском, а на обыске пропускал спрятанную литературу... Впрочем, в следующий раз я расскажу все, что тебе надо, а сегодня, прости, должен уйти: у меня собрание.

Приходя еще два раза, он вел себя в этом же роде, и в последнее, четвертое по счету, свидание, когда я напомнила, что мне нужно знать о роли Сталина на VI съезде партии, на который, я точно знаю, Глеб пришел с Надеждой Константиновной Крупской и пробирался к месту собрания по железнодорожным путям, он вдруг огорошил меня резким вопросом:

- А ты видела Сталина, когда работала в Смольном?

- Никогда не видела.

- А между тем ты целые дни проводила в комнате, где твой стол стоял рядом со столом Марии Ильинишны, секретаря «Правды». Ну, так и я до 24 года не видел Сталина в руководящей роли среди работавших в Питере товарищей. Ухожу. До свидания.

...На одно из собраний «Рыцарей Круглого Стола» Глеб сильно запоздал.

- Ну и дела у нас, - сказал он, сбрасывая шинель, - не ругайте за неаккуратность. У нас события большой важности: арест Блюмкина.

Со всех сторон посыпались вопросы, восклицания:

- Блюмкина? Нечего шутить!

- А ты всех нас не собираешься арестовывать?

- Рассказывай, не тяни...

- Что-то пахнет сказкой, Иваныч!

- Дело не без запутанности, товарищи.

И арест как раз накануне назначенной для этого гуся знаменательной поездки в Лхассу. Ведь как долго мы ее подготавливали и так глупо, бездарно кончили. И я уверен, что этот ловкий парень блестяще все выполнил, если бы не Троцкий... И принес черт этого злого гения стать нам поперек дороги...

- При чем тут Троцкий?

- Разве Троцкий находится в Лхассе или собирается туда?

- Ни то, ни другое. Да лучше начну с самого начала. Вы все знаете, как тщательно и долго ГПУ готовило Блюмкина к этой миссии. Мы всячески прощупывали его, взвешивали, экзаменовали и нашли, что лучше не сыскать персонажа для обработки лам масонской мудростью. И Блюмкин охотно изучал все эти тайны, проникаясь масонской философией, а что касается языка, то он мог бы преподавать его в Институте восточных языков. Он был подкован в совершенстве для этой поездки. И у него уже был заграничный паспорт, когда это случилось...

- Да что случилось-то? - нетерпеливо спросил Кострикин.

Ему казалось, что Бокий нарочно тянет рассказ.

- Я буду передавать по порядку. Перед отъездом он поехал к Радеку. Оказывается, он хотел от Радека получить удачный совет, веря в его ум и ловкость, но ошибся в том, что Радек будет хранить тайну.

- Тайну Лхассы? - спросил опять Кострикин.

- Нет, немножко другого порядка. Он необдуманно разоткровенничался с Радеком,¹⁵ приблизительно так: «Карл, ты знаешь, куда и зачем меня посылают, но я колеблюсь,

так как до сих пор я действовал по-другому, будучи агентом Троцкого». Я изображаю схему разговора, конечно; он, вероятно, имел иную форму. Троцкий на Блюмкина надеялся, как на каменную гору, а его миссия была в нашу пользу... Ехать в Лхасу Блюмкину было не совсем удобно, состоя в тесной связи с Троцким. Отказаться от поездки к Далайламе было невозможно, а смелости не хватало вместо того, чтобы поехать на Восток, двинуться на Запад, в объятия Троцкого ...Радек сначала ему это посоветовал, а тот откровенно сознался, что «хочет покончить всякие отношения с советским изгнанником» и сейчас находится в большой нерешительности, а попросту он струсил. Радек возьми и посоветуй ему поехать ко мне и чистосердечно покаяться в прошлом, обещая вести себя благопристойно в будущем; он, Бокий, мол, поймет, и все станет на свое место. Блюмкин как будто всецело принял совет, а когда вышел от приятеля, то передумал. Вместо того, чтобы ехать на Лубянку в кабинет Бокия, он отправился на вокзал, к отходу поезда, чтобы улизнуть за границу к Троцкому. Приезжает туда, а там: ба, ба, знакомые все лица с Лубянки. Оказывается, Радек тотчас же после разговора с приятелем дал знать по телефону в ГПУ о своем разговоре с лхасским пропагандистом, и Бокий, по своей привычке все заранее предвидеть, послал на Белорусский вокзал людей для ареста беглеца. Так бесславно кончилась фантастическая идея покорения Востока.

8. Последняя встреча

В марте 37 года у меня опять были все в сборе, мои милые товарищи. Глеб Бокий принес бутылочку хорошего вина. Ведь это могла быть наша последняя встреча в этом году, - иногда я уезжала рано или к себе в Псковщину, или в дом отдыха, - вот и спрыснем последнюю встречу,

Вино появлялось у нас считанное число раз. В последний раз мы чокнулись за здоровье маленькой Аллы, новорожденной дочки Глеба, - ведь он не так давно вторично женился.

Наливая стаканчики, он говорил, что

скоро начнет работать в саду предоставленной ему правительством дачи. Рассказывал о посадке ягоды облепихи, которую он оценил, живя когда-то в сибирской ссылке. Как анекдот он рассказывал, что, высказав как-то перед подчиненными желание посадить на даче облепиху, он получил вместо пяти саженцев целых пятьдесят... Ему была противна такая угодливость по отношению к начальству, оставшаяся в наследство от старого царского режима,

- Вечер был оживленный. Воспоминаниям не было конца. Нескоро увидимся, нескоро узнаем что-нибудь друг о друге - мы не переписывались летом.

Было около двух часов ночи, когда мои гости стали подниматься. Прощаясь, я сказала Бокию:

- Я как-нибудь пришлю тебе записку на службу, чтобы ты мне устроил пропуск в деревню; пожалуйста, не задержи.

- Угу, - кивнул он мне, надевая шинель.

С некоторых пор для проезда в наши края требовался пропуск - из-за близости эстонской границы.

...В номере стоит синий дым от курения. Я делаю сквозняк, открывая дверь и форточку, и выхожу в коридор. При моем появлении с кресла, стоявшего под часами, поднимается фигура с книжкой в руках. Удивительно, зачем это понадобилось выбрать для чтения темное, почти не освещенное место, когда в двух шагах, возле лифта, стоят удобные диваны и кресла под огромной лампой. Увидев меня, незнакомый человек заговаривает:

- Проветриваете?

Меня удивляет этот вопрос. Почему он знает? И еще больше удивляет его стремительный уход. Усаживаясь на его место, вижу, как он мечется: то убегает на верхний этаж, потом в комнату, неподалеку от часов, в номер, который не занят постоянными жильцами Метрополя, и бегом вниз, уже в пальто и фуражке.

Тут меня осеняет догадка: да ведь это агент НКВД. Вспоминается, как по ночам мы бывали разбужены шумом в коридоре, а иногда и рыданиями, а наутро оказывалось, что это арестовывали кого-нибудь из наших соседей. У меня мелькает мысль:

- Этот агент не знает или не заметил в числе моих гостей Бокия и подумал, что от меня вышли подозрительные люди, устроившие тайное собрание, и теперь он предупреждает об этом того же Бокия. Завтра надо все разъяснить Глебу.

...Утром я пишу записку Глебу приблизительно такого содержания:

«Тебе могут донести о собрании у меня в номере. Так имей в виду, что это был наш «Союз друзей».

В тот же день отношу записку и передаю в окошечко заявлений НКВД.

Надо вовремя получить пропуска для поездки в наши края с дочерью. Через несколько дней звоню по телефону Глебу,

- Это вы, товарищ Чурган?

- Чурган - секретарь Глеба.

- Я.

- Мне Глеба Ивановича.

- Он болен.

- Seriously болен?

- Говорят, серьезно, но мы надеемся, что нет.

- А мне нужны пропуска в деревню. Вы ничего не знаете о них?

- Ничего. Да лучше всего поговорите с его заместителем Федором Ивановичем.

Не знаю никакого Федора Ивановича, но звоню ему и говорю, как я потом поняла, очень глупо:

- Федор Иванович, мне нужен пропуск в место, прилегающее к пограничной полосе, и Глеб Иванович обещал мне его дать.

- Но он болен, его нет на службе.

- Так позвоните ему.

- Нам не позволено звонить. Скажите Чургану.

- На всякий случай, может быть, Глеб Иванович скоро поправится: это Алтаева из «Союза друзей» из Метрополя. Я позвоню завтра.

Звоню на другой день. Отвечает тот же Федор Иванович, фамилия которого мне до сих пор неизвестна.

- Чургана нет. Он болен.

- Seriously?

- Думаю, серьезно. Увезли в карете...

Звоню прежнему секретарю Бокия Леонову, получившему повышение по работе. Он меня

хорошо знает. Звоню и нарываюсь на холодный, ледяной тон:

- Ну и звоните Чургану или Бокию, - я ни при чем.

Теперь вспоминая все это, представляю себе, какой глупой я должна была казаться этим людям в НКВД, без конца твердя о пропуске.

Их всех арестовали: и Бокия, и Чурганна, и заместителя Бокия Федора Ивановича, и Леонова. В этот год я не поехала к себе в деревню.

... Осенью пришел ко мне сын Макса Кострикина. Он мне сообщил, что и отец его, и член ЦК партии Михаил Иванович Москвин с женою, бывшей ранее женой Бокия, арестованы. Рассказывал, как брали его отца. Перед уходом он сказал сыну:

- Маргарита была права: нас оклеветал Барченко.

Об арестованных долгое время ничего не было слышно.

Впоследствии я узнала, что и сам Барченко, сеявший ложные доносы, арестован и расстрелян...

Проходили годы. Протянулись почти двадцать лет, и так же неожиданно стали вставать тени тех, кого я считала мертвыми...

Первым постучался в мою дверь сын моего старого друга, Павла Ильича Бутова, Паши, считавшего меня своею сестрою,

Он явился в Метрополь, зная обо мне только понаслышке, сын Бутова. Рассказ его был прост: семья исчезла бесследно в неведомых дебрях Колымы, Магадана или им подобных местах. Сам же остался жив только благодаря случайной поддержке друзей детства, устроивших ему поездку на самолете, когда кончился срок десятилетней ссылки.

- Иначе бы не уехать... Сколько людей не имеют возможности выбраться отсюда...

Добравшись до Москвы, думал перехватить денег на дорогу до Ленинграда, где ему поможет устроиться товарищ отца, профессор Лесотехнической академии.

Чуть отдохнув и подкрепившись, он взял у меня деньги и решил отправиться на вокзал за билетом.

- Слушайте, друг мой, - сказала ему я, подталкиваемая моей дочерью, - не вздумайте бродить ночью по городу, если не достанете билета. Постарайтесь только прийти не слишком поздно, ведь здесь гостиница.

Впрочем, я попробовала, на всякий случай, застаться для него приютом у друга его отца со школьной скамьи, имевшего квартиру директора Горной академии. Нисколько не сомневаясь в положительном ответе, я радостно сообщила:

- Сын Паши Бутова приехал. Надо его приютить до завтра. Его бы к вам... Быстрый ответ меня поразил:

- У меня все полно до отказа. Ко мне ни в коем случае.

И ни одного вопроса о сыне лучшего друга, об его материальных ресурсах. Он не предложил никакой помощи, стараясь скорее повесить трубку телефона.

С тяжелым сердцем я простилась с сыном моего друга, взяв с него слово, что если он не возьмет билет на сегодня, то вернется ко мне переночевать. Он не вернулся, и больше я ничего о нем не узнала... И вот года два назад стук в дверь.

- Войдите!

Передо мною маленькая, худенькая женская фигура с мелкими чертами лица, волосы с проседью заколоты низко на затылке. Говорит тихо:

- Лена Бокий...

Боже мой, та маленькая Леночка, с которой я заходила в церковь покупать свечи для устройства елки младшей сестренке Оксане... Взрослой девушкой я ее не знала; она много жила за границей, сопровождая больную сестру, а потом... потом... была в ссылке.

Восемь лет на лесных работах в Коми. Рассказывает отрывисто и просто о быте:

- Гражданин начальник, позвольте пойти опраться...

Показала наработанные огромные бiceps под плечами. Зато полюбила лес. Говорила об уголовных женщинах. Жуткая жизнь, полная безнадежность, полуживотное существование. К убийству у некоторых из них привычка. Удивительно, как там зарождается чувство дружбы. Голодный идет

на жертву для голодного товарища. Ну вот она и на пепелище, в Москве. Дали в долг денег, купила машинку. Пока будет брать переписку. Прописана, временно - комнаты нет. Родные? Никого... Сестру больную затерло льдом на барже... нет ее больше... Мать с отчимом пропали в ссылке... Наверно, умерли оба... Донос, конечно, подлый донос...

Я сказала, что это дело рук Барченко. Она не придала этому большого значения. Не все ли равно кто... Она, по определению прокуратуры, «арестована без всякого основания». Такова формула. Теперь нужно добиться реабилитации отца и матери, на это требуется время. У нее нет даже их портретов...

Я сучусь. У меня есть портрет Глеба в студенческую пору, большой портрет, мною увеличенный. Я им, конечно, дорожу, но ей я его отдам, должна отдать. Пусть возьмет хоть сейчас. Вон там, на стене, пусть посмотрит. Не сейчас? Хорошо, пусть возьмет, когда будет комната.

Леночка очень взволнована. Все старое всколыхнулось - ведь отца она безгранично любила и была его любимицей. Жива мачеха и сестренка, та самая Алла, за которую мы когда-то поднимали бокалы. Но между Леной и ими обеими ничего общего. Осталась еще дочка Оксаны, но и тут Лена встретила не то, чего хотелось: красивая вертушка, способная, умная, но пустая... Одиночество полное...

Да, реабилитация отца может быть только при трех характеристиках, которые прокурор получит от Елены Дмитриевны Стасовой, вдовы Калинина, и от меня - трех лиц, хорошо знавших Бокия.

...Несмотря на мое желание ускорить дело, я долго не могла добиться свидания с прокурором, хотя оставалась одна недопрошенной. Желанное свидание с майором Корнеевым я получила почти через год. Он пришел ко мне, зная мой возраст и плохое здоровье, мешающее передвигаться.

Мы говорили не менее двух часов, я решила рассказать все, что знала и о чем пишу здесь, в этих воспоминаниях: и о студенческой поре, и о масонах, и о Барченко,

о Блюмкине с проектом поездки в Лхассу, и об отношении к Троцкому и к Сталину, и о наших встречах вплоть до последней, после которой он был арестован, и о моем глупом поведении со звонками в НКВД.

Он слушал внимательно, все записал, сказал, как резюме: масоны - мистика, странная для коммуниста; Троцкий мог бы быть политическим обвинением, но вы показали, что он относился к нему отрицательно; про Сталина он пропустил свое мнение, а о Барченко сказал почти слово в слово так:

- Ваша интуиция Вас не обманула: он действительно проходимец и погубил Бокия.

Когда я спросила, жив ли Бокий, он ответил, что нет, а на вопрос, когда его не стало, сказал, что об этом сообщат его дочери, и тут же тихо, как бы про себя:

- Тогда же, как был взят...

Я знала, что Бокий был вытребован Ежовым и из его кабинета домой не вернулся. Ответ прокурора убедил меня в том, что он был тут же расстрелян. Почему-то Лене и Алле дали другие справки о годах его

смерти, не соответствующие одна другой...

Теперь их вызывают, чтобы разделить деньги, полученные за имущество реабилитированных родителей. И только сейчас я узнала, что у Глеба была приемная дочь. Оказывается, в молодости он взял на воспитание осиротевшую девочку рабочего, своего политического единомышленника, усыновил ее и воспитывал наравне со своими детьми. Никогда Глеб не упоминал о своем поступке усыновления, считая его делом естественным.

Мне хочется напоследок помянуть добрым словом майора Корнеева, которого в письме ко мне Елена Дмитриевна Стасова назвала хорошим, сердечным человеком, а я хочу прибавить, что он обладает той человечностью, которая так необходима в его профессии. В мое отсутствие летом он звонил мне, просил сообщить, что дело о реабилитации Бокия закончено, и оставил свой телефон. Тотчас же по приезде я позвонила ему и от всего сердца поблагодарила за внимание.

Ал.Алтаев. 1956.
22 октября. Москва

Примечания

13. Лхаса (Лхасса) - город на Юго-Западе Китая, в долине р.Джичу (Лхаса, приток Брахмапутры), на Тибетском нагорье, на высоте св.3,6 тыс.м. Административный экономический центр и транспортный узел Тибетского автономного района. Основан, по-видимому, в VII в. царем Сронцангамбо. Главный религиозный центр ламаизма в Азии. Дворец-монастырь Потала - бывшая резиденция Далайламы.

14. «История гражданской войны в СССР» (ИГВ) - многотомное издание по истории революции 1917 г., иностранной военной интервенции и гражданской войны. Начато по инициативе А.М. Горького и по постановлению ЦК ВКП(б) в 1931 г. К созданию труда были привлечены историки, писатели, публицисты, участники событий. Составленный проспект предполагал издание труда в 16 томах, но намеченный план не был выполнен: I том ИГВ вышел в 1935 г., II - в 1942 г., III-IV - в конце 50 гг.

15. Радек Карл Бернгардович (1885-1939 гг.) - деятель международного социал-демократического движения с конца XIX в. (Польша, Германия), партийный публицист. Член Коммунистической партии с 1917 г. После Октябрьской революции - в Советской России. В 1918 г. - «левый коммунист»; в 1919-1924 гг. - член ЦК РКП(б); в 1920-1929 гг. член (в 1920 г. - секретарь) Исполкома Коминтерна. Сотрудничал в газетах «Правда» и «Известия». Репрессирован по «делу» так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра», посмертно реабилитирован.